

СТАНИСЛАВ ЛЕМ

Универсальность мира Достоевского*

Збигнев Подгужец¹: Из многих ваших публикаций следует, что автор «Братьев Карамазовых» вам особенно близок. По случаю 150-й годовщины со дня рождения великого писателя хотел бы, чтобы вы раскрыли эту тему. Начнем с важнейшего: чем для вас является Достоевский?

Станислав Лем: Достоевский принадлежит, на мой взгляд, к тем немногочисленным писателям, от влияния которых невозможно уйти. Никогда человек не выберется из круга впечатлений, вызванных чтением его произведений, так как невозможно превозмочь могущество личности Достоевского. Как читатель я начал знакомство с ним с «Преступления и наказания». Было это еще в гимназии. Потом пришли другие романы и рассказы. Я читал их неоднократно, но с каждым разом воспринимал по-другому. Мое отношение к его произведениям менялось — это понятно — по мере того, как менялся я сам. Достоевский неустанно рос в моих глазах. Сегодня он представляет для меня редкий пример писателя, мировоззрение которого выдержало испытание временем, абсолютно не устаревая. Достоевский для меня необычайно актуален, а его творчество носит все признаки той кислоты, которой проверяют металл, чтобы убедиться — золото ли это. Мне близок способ видения Достоевского Томасом Манном, чьи произведения как последнего великого европейского эпика я использовал с целью экземплификации отдельных теоретических вопросов в «Философии случая».

Манн как бы кружил поодаль Достоевского. Вместо микроскопических снимков его жизни, которая его волновала, представляла для него загадку, он сделал контур его образа. С расстояния другого культурного круга Манн острее видел то, что в Достоевском было общечеловеческим. Кроме того, Манн с огромной де-

* Интервью для польско-советского журнала «Przyjaźń» (Дружба).

ликатностью касался болезненных, щекотливых подробностей жизни Достоевского. Так называемую сексуальную извращенность Достоевского он считал, например, мыслительной манией. Так же, как и Достоевский, Манн относился к писательству. Он считал его призванием, миссией.

— *Почему в «Философии случая» вы не использовали в качестве примеров, подтверждающих тезисы из теории эмпирии литературного произведения, именно произведения Достоевского?*

— Это было сделано сознательно. Я опасался столкновения с книгами Достоевского. Мне представляется, что творчество автора «Преступления и наказания» вообще невозможно проанализировать. Оно не поддается никаким умозаключениям. На нем легко «обломать» любой метод подхода к литературному произведению. Желая доказать истинность своих тезисов в области литературоведения, я не мог позволить себе рисковать. Поэтому было безопаснее заняться анализом книг Томаса Манна, чем Достоевского.

— *Какая-нибудь ваша работа возникла непосредственно под влиянием чтения Достоевского?*

— В целом, пожалуй, ни одна. Но ряд книг я писал, обдумывая тексты Достоевского или же его писательский метод. Конкретно: некоторые сцены в «Расследовании» возникли под влиянием словесных стычек между Раскольниковым и следователем Порфирием. Ибо я не нашел в мировой литературе других текстов, которые были бы сравнимы с «Преступлением и наказанием» в том, что касается вивисекции характеров противников. Конечно, не может быть и речи о том, чтобы считать Достоевского ответственным за мое «Расследование». При написании этой книги — подчеркиваю — я был лишь как бы его учеником.

— *В чем, по вашему мнению, заключается величие Достоевского?*

— Значение Достоевского для мировой литературы можно сравнить лишь со значением Коперника в астрономии. Достоевский в прозе сделал примерно то же, что Коперник в науке о вселенной. Сокрушая окаменевшую поэтику и вводя в пространство литературного произведения враждебный хор рассказчиков, демонстрирующих неокончателность всяческого знания о человеческих делах, Достоевский совершил настоящую революцию. Писатель избегает, как может, авторских окончательных, высших характерологических определений своих героев. Даже когда он говорит от себя, он любой ценой уходит от «авторского всезнания» — этого типичного для прозы XIX века подхода, заменяя

его именно методом множественных, часто противоречивых отношений. Отбирая у писателя право на всезнание, он занял позицию, которой соответствует «неопределенность измерения» — а это признано непреодолимым в физике. При этом Достоевский вовсе не уменьшил количества того, что можно сказать о человеческих делах, а даже наоборот — увеличил. Величие Достоевского заключается в том, что сделанное им невозможно преступить. Никто до сих пор не вышел за пределы его опыта. Во всяком случае, я не знаю таких авторов. Можно говорить лишь о подражаниях. Потому что многие современные писатели пользуются предложенным Достоевским методом работы. Я имею в виду именно это представление несвязных версий мира, видимого глазами разных персонажей, что является — подчеркиваю — поразительным открытием, совершенным Достоевским.

— *А вы не думаете, что оно было случайным, результатом той поспешности, к которой Достоевского вынуждали обстоятельства?*

— Ни в коем случае. Недосказанности, умолчания, являющиеся определенными и точными элементами конструктивной системы, невозможно объяснить тем, что Достоевский жил и работал в вечной спешке. Обычно результатом спешки является попросту небрежность, упорное повторение стилистических фигур и фатальные провалы в характеристиках персонажей. Это, конечно, не наблюдается у Достоевского. Мастерская Достоевского всегда меня интересовала. Несколько лет назад мне посчастливилось приобрести том «Литературного наследия» с материалами о работе Достоевского над романом «Подросток». Достаточно увидеть эти документы — и распространенная версия, что Достоевский писал необычайно быстро и очень небрежно, подгоняемый жизненными обстоятельствами, — попросту рушится. Оказывается, Достоевский был чрезвычайно озабочен окончательной формой каждого предложения, которые он написал. Свидетельствуют об этом фотокопии, приложенные к упомянутому изданию. Объем работы, вкладываемый им в произведения, весьма внушительный. Этот вопрос следует рассматривать на более высоком уровне, а не только на примерах описания персонажей или конструирования действия. И тогда оказывается, что в своем творчестве Достоевский руководствовался принципами антирационализма.

— *Чем близок вам Достоевский?*

— Прежде всего, методом своей работы. Мне кажется, он всегда приступал к написанию лишь с общим контуром плана

произведения, и в процессе работы первоначальный замысел модифицировался, — благодаря этому его книгам присуще то, что я назвал бы углубленной перспективой. При таком подходе его книги наверняка втягивали в себя, как в водоворот, все новые проблемы. Создаваемое произведение как бы само требовало неустанных исправлений первоначального плана. Такой процесс в кибернетике называют самоорганизацией. Именно начиная с Достоевского, литературный материал можно сравнивать с разрастающейся живой тканью. Конечно, я последний, кто стал бы сравнивать себя с Достоевским. Тем не менее, в начале своей литературной работы меня приводила в бешенство мысль о том, что можно написать что-либо, руководствуясь заранее установленным планом. Только размышляя о творчестве Достоевского, я понял, что установка такого рода основана на ложных предположениях.

— *А в чем, по вашему мнению, заключается актуальность Достоевского?*

— Прежде всего в том, что и сегодня нет, пожалуй, таких жизненных ситуаций, которым не соответствовали бы подходящие ситуации в текстах Достоевского.

— *А что у Достоевского вам представляется непонятным?*

— Тот феномен, что он, будучи столь русским писателем, одновременно является писателем столь универсально-мировым. Никто не может объяснить это достаточно убедительно. Ведь если бы Достоевский лишь впитал эту душную и выморочную атмосферу царизма, если бы сконцентрировал ее в себе, насколько это возможно, и позволил ей управлять своим пером, то его произведения могли не найти понимания у иностранцев. Однако Достоевский, оставаясь до мозга костей русским писателем, свободно проникает сквозь все границы и времена. Как это объяснить?

— *Вы удовлетворены переводами Достоевского на польский язык?*

— От русских друзей, знающих наш язык, я слышал, что Достоевского в оригинале нельзя даже сравнивать с Достоевским в польских переводах. Впрочем, я убедился в этом сам, читая «Подростка» по-русски. Наверное, этот писатель еще ждет своего польского конгениального переводчика. Человека, работу которого над Достоевским можно было бы сравнить с усилиями Бой-Желенского в области усвоения в Польше французской литературы.

— *Чем вы объясняете рост интереса к творчеству Достоевского, наблюдаемый во всем мире в последние годы?*

— Прежде всего тем, что читателей в высшей степени не удовлетворяют эксперименты современной прозы. Мне представляется, что анти-роман, например, почти полностью отказываясь от функций, благодаря которым литература завоевала себе величие, очень многое отнимает у людей, взамен давая очень мало. Я говорю о локализации оригинальности в области самого творческого метода, благодаря чему эксперимент идет в направлении чистой игры, а не познаваемости мира. Его откровения не являются эквивалентом релятивизма в физике, потому что физический релятивизм не заключается в том, чтобы подвергать сомнению саму физику. Поэтому ничего удивительного, что в такой ситуации чувствуется потребность возвращения к источникам. А таким источником, представляющим кульминацию наиболее активного интереса к делам человеческим, является именно творчество Достоевского. Но это лишь одна из причин сегодняшнего интереса к этому писателю. Конечно, их больше. Кто знает, не играет ли определенной роли в ренессансе Достоевского душевная «раздвоенность» автора «Бесов». Реакционные политические и религиозные взгляды Достоевского как человека в его произведениях вытеснены прогрессивностью писательской гениальности. Столкновение взглядов, эта борьба позиций для наших времен — «разорванных» подобно Достоевскому — необычайно характерна. Быть может, именно поэтому его книги так близки современному человеку.

— *Вы считаете Достоевского философом?*

— Скорее, вдохновителем философов. Потому что Достоевский никогда не давал окончательных ответов на те вопросы, которые он ставил. Однако ставил он их таким образом, что невозможно оставить их без ответа. А ведь поиском ответов занимаются как раз философы. То, что они аннексировали творчество Достоевского, — это результат особенного интереса к человеку, что характерно для нашего времени.

— *Что вы думаете об экранизациях произведений Достоевского?*

— Что ж, я бы сказал, что свидетельствуют они лишь о величии этого писателя. Нашествие театра и кино не справилось с ними, не смогло их уничтожить. А уничтожают таким способом почти всех. Только Достоевского не удалось. Я видел как-то французскую версию «Преступления и наказания», в которой действие было лишено реалий России и перенесено в современность, но тем не менее сохраняло какие-то ощущения оригинала. Это является еще одним доказательством универсальности Достоевского.